

Studia Culturae: Вып. 1 (27): Symposium: А.В. Малинов. И.Ю. Пешперова. С.136-149

А.В. МАЛИНОВ

доктор философских наук, профессор

Санкт-Петербургский государственный университет

И.Ю. ПЕШПЕРОВА

кандидат юридических наук, профессор

Северо-Западный институт управления РАНХиГС при Президенте РФ

ДВЕ ВЕРСИИ ОБЛАСТНИЧЕСТВА: Г.Н. ПОТАНИН И М.И. ДРАГОМАНОВ¹

В статье сравниваются две версии областнической идеологии: сибирских областников и украинофилов, представленных в учениях Григория Николаевича Потанина (1833–1920) и Михаила Петровича Драгоманова (1841–1895). Рассматриваются как общие черты областнической теории, так и различия. Делается вывод, что сибирские областники считали главным культурное развитие края, в то время как украинофилы стремились к национально-государственному конструктивизму. Ключевые слова: областничество, украинофильство, сибирское областничество, Г.Н. Потанин, М.П. Драгоманов, децентрализация, культурный сепаратизм.

A.V. MALINOV

Sc.D., Professor

St. Petersburg State University

I. YU. PESHPEROVA

PhD in Jurisprudence, Professor

North-West Institute of Management - branch of the Russian Academy of National Economy and Public Administration (St.-Petersburg)

---

¹ Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда (проект №14-18-00192), СПбГУ.

TWO VARIANTS OF OBLASTNICHESTVO: G.N. POTANIN AND M.I. DRAGOMANOV

The article compares the two versions of oblastnicheskoy ideology: Siberian regionalists and Ukrainophiles, presented in doctrines of Grigory Potanin (1833–1920) and Mikhail Petrovich Dragomanov (1841–1895). Both common features of oblastnicheskoy theory and differences are analyzed. It is concluded that Siberian oblastniki considered as a major goal cultural development of the region, while Ukrainophiles aimed to nation-constructivism.

Keywords: regionalism, Ukrainophilism, Siberian regionalism, G.N. Potanin, M.P. Dragomanov, decentralization, cultural separatism.

В 1916 г. в журнале «Сибирские записки» была опубликована статья Е. Колосова «Два русских областника – М.П. Драгоманов и Гр.Н. Потанин (Опыт сравнительного изучения политических программ русских областников)». Прошедшее столетие дает основание продолжить сравнение и оценить результаты двух версий областничества, выразителями которых были Михаил Петрович Драгоманов (1841–1895) и Григорий Николаевич Потанин (1835–1920).

Хорошим подспорьем может служить и богатая исследовательская литература, историографический обзор которой представлен в статье С.А. Троицкого [15, с. 60–77]. Е. Колосов называет Потанина и Драгоманова «типичными областниками», сопоставляя их как собирателей фольклора и указывая на общий идейный контекст формирования их взглядов: «...они являются *шестидесятниками* в том смысле, что их первые взгляды <...> формировались под впечатлением эпохи, так называемых великих реформ и связанных с ними великих общественных ожиданий» [6, с. 128]. Чаще всего к общим истокам областнического учения относят народничество [2, с. 75–80; 5, с. 143–178]. В публицистике Драгоманова и Потанина полнее всего была выражена идеология и программа, соответственно, украинского и сибирского областничества: «...программные построения Драгоманова и Потанина представляют максимум того, что нам дает русская областническая мысль. Выше этого русские областники еще не поднимались, ниже этого они не могут спуститься, не изменяя своим традициям» [6, с. 131]. Правда, к политической публицистике Потанин пришел лишь на закате своей жизни. Он более известен как путешественник, исследователь Центральной Азии, этнограф и фольклорист.

Е. Колосов не высоко оценивал журналистские способности Драгоманова. «Литературное дарование Драгоманова, – писал он, – сравнительно не велико, его публицистика однообразна, порой даже бледна, при том она страдает повторениями, очень утомляющими читателя»

[6, с. 129]. В то же время он признавал, что «общерусское, политическое значение Драгоманова несомненно больше, чем значение Потанина» [6, с. 132]. Впрочем, социальные потрясения XX в. нивелировали политическое значение, как Потанина, так и Драгоманова. Лишь патологическое возрождение украинского национализма несколько возбудило исторический интерес к фигуре Драгоманова, как своему идейному предшественнику, но не к содержанию его публицистики.

При жизни Потанин и Драгоманов не встречались и знакомы не были. В письме К.В. Лаврскому, Потанин упоминал об отправке Драгоманову областнического литературного сборника «Первый шаг», изданного в 1876 г. в Казани [8, с. 32, 36], на который он откликнулся сочувственным письмом [8, с. 40–41]. Со своей стороны, Потанин надеялся в направлении, отстаиваемом Драгомановым, увидеть близкие убеждения. «Я слышал, между прочим, – писал он К.В. Лаврскому, – что Драгоманов будет издавать журнал в Вене на русском, а не на малороссийском языке, и что, вероятно, будет отстаивать провинциальное движение, так как это ему необходимо по связи вопроса с движением его собственной области» [8, с. 33]. В 1909 г. Потанин хлопотал о присылке ему статьи Драгоманова «Россия и Польша» [9, с. 97].

Наиболее близко с программой сибирских областников сходится публицистика Драгоманова 1870-х гг., хотя, надо заметить, что основные труды Н.М. Ядринцева и Потанина появляются позже, да и сам термин «областничество» закрепляется лишь к началу 1890-х гг. До этого времени чаще использовалось выражение «местный патриотизм» [11, с. 86]. «Областническая тенденция то же, что и местный патриотизм», – признавал Потанин [11, с. 109; 10, с. 2]. Это направление в русской общественной мысли и движение в среде провинциальной интеллигенции, или, по словам Потанина, «тенденция» нашла обозначение в таких терминах как «сибирское областничество», «сибирефильство», «сибирство». В таком дублировании не было нужды, если бы эти термины были только синонимами. *Сибирское областничество* – историческое явление, просуществовавшее более полувека (с начала 1860-х гг. до окончания Гражданской войны, а в русской эмиграции – до Второй мировой войны). Возникнув как литературное и культурное движение зарождавшейся сибирской интеллигенции, оно лишь в годы Первой русской революции начало оформляться политически.

Политическая активность сибирских областников усилилась в 1917 г., когда появились проекты федеративного устройства Сибири [1, с. 141–152]. Однако доминирующей для сибирского областничества оставалась просвети-

тельская и культурная деятельность, что непосредственно сближало его с сибирефильством. *Сибирефильство* выходит за пределы только сибирской интеллигенции, предполагая в широком смысле изучение Сибири и стремление к развитию края. *Сибирство* – новая региональная идентичность, переходящая в политическое мировоззрение со всеми вытекающими из него потенциальными опасностями в виде политического обособления, конфронтационной идеологии и т. п. Истоки всех этих определений можно видеть в учении и деятельности Потанина; его фигура их всех объединяет. Этим опознается и его значение: он был родоначальником и лидером сибирских областников, деятельным сибирефилом, первым выразителем «сибирской идеи» – новой региональной идентичности, т. е. сибирства. И хотя он указывал в качестве своих предшественников на таких «сибирских патриотов» как Словцов, Абрамов, Щукин, Мордвинов, Ершов, до Потанина и Ядринцева не было в строгом смысле ни сибирского областничества, ни сибирефильства, ни сибирства.

Любовь к своей малой родине даже тогда, когда она перерастала в политическое мировоззрение и принимала форму политической программы, не приводила Потанина и Ядринцева к противопоставлению сибирских вопросов, общерусским. Как замечал Е. Колосов: «Огромная заслуга Потанина и Ядринцева в том и состоит, что они никогда не теряли из виду общечеловеческих, в частности, общерусских проблем» [7, с. 213]. Проблемы, стоящие перед Сибирью, могут быть решены только в совокупности с проблемами общерусскими, т.е. общегосударственными. Прежде всего, это касается экономических и социальных вопросов. И здесь решения, предлагаемые областниками, могут послужить образцом и для остальных частей государства. Так, согласно Потанину, необходимо законодательно предоставить «областям возможность развивать энергию свойственной им, и особенно колониям, центробежной силы, не теряя солидарности с другими областями империи, не нуждаясь в отпадении от общегосударственного тела, – должны признать, что областническая тенденция, покоящаяся на экономическом соревновании частей государства, имеет право на столь же долгий срок существования, как само государство» [10, с. 2].

Развитие регионов и конкуренция между ними в пределах одного государства – не только естественный процесс, но и стимул для дальнейшего развития. «Сибирские областники, – пояснял Потанин свой политический проект, – сознавая себя членами русского народа и не желая с ним порвать связь, распространяют свой идеал на все государство; они мечтают, что вся Россия будет разделена на области, что у каждой облас-

ти будет свой парламент и свои министерства и что государственные финансы будут распределены между областями, а над всей этой федерацией будет стоять объединяющая Государственная Дума. Общегосударственные вопросы будут выделены из компетенции областных дум. Учредительное Собрание установит пределы, в которых будет происходить законодательная деятельность центральной думы и областных дум» [14, с. 156]. В то же время он осознавал, что не только политическое устройство но и, в меньшей степени, экономические связи объединяют Сибирь с европейской Россией в единое целое. «Мы понимаем, – признавался он, – что наша связь с Россией покоится на русском языке, на русской литературе, на русских духовных традициях» [14, с. 154].

Культурное развитие Сибири посредством формирования «культурных центров», политическое и экономическое выравнивание Сибири с европейской Россией вплоть до создания Соединенных штатов Сибири, – такой путь предпочитали лидеры сибирских областников. В этом их отличие от украинофилов, для которых национально-культурное самоопределение было важнее общегосударственного развития.

Принцип равенства лежал в основе демократической программы областников. Даже Драгоманов формально признавал равноправие народов, языков и областей. «Другими словами, – писал он, – чем более государство становится свободным и потому прочным союзом людей для достижения развития душевного и материального, тем более подходит оно к равноправности языков и народностей, в него входящих, в общественной жизни» [3, с. 56]. Однако практическое украинофильство видело цель в обособлении, а не в объединении усилий.

Принципиальное различие между сибирскими областниками и украинофилами состояло в том, что первые делали акцент на культурном развитии, вторые – на национальном. У сибирских областников культурная программа преобладала над политической. Экономические различия Сибири и европейской России во многом определялись географическими факторами. Согласно сибирским областникам, пестрый этнический состав Сибири в результате культурно-экономического развития региона и неизбежной метисации населения постепенно должен был складываться в новый этнографический тип русского народа. Исходная позиция украинофилов была иной. Культурные, этнические и природно-климатические различия России и Украины были минимальны или даже условны. В этой ситуации в основу своей программы украинофилы положили идею нации как политической силы. Реализация этой программы предполагалась политическими средствами, которые на деле приводили к национально-культурному конструированию различий, противо-

поставлению Украины и России, хотя бы это и приводило к понижению экономического и культурного уровня.

Чувство несправедливости сложившихся отношений между центром и провинциями придавало областническому движению форму социального протеста, сближало его с общерусским демократическим направлением. Однако причину этой несправедливости сибирские областники и украинофилы понимали по-разному. Сибирские областники считали, что виновником незавидного положения Сибири является административный центр и колониальная политика русского государства. Украинофилы же были склонны обвинять русский народ. Драгоманов в этом отношении даже сопоставлял русский народ с немцами. «Вообще до сих пор, – писал он, – только огнем и мечем да долговременной колонизацией и могли быть истреблены национальности, что особенно имело место в истории стремления на Восток немцев и русских» [3, с. 53]. Наравне с немцами русские уничтожали целые национальности и стремились обезнародить покоренное население.

Невозможность четко обозначить национальную специфику украинского народа Драгоманов считал следствием русской колонизации. Впрочем, он и сам признавал преувеличение различий между русскими и украинцами, «как это часто теперь делается в западно-европейской печати, желающей назло России, указать на раздвоение самого русского племени» [3, с. 82]. Конфронтационный импульс, заложенный в украинстве, распространяется не только на русских, но и на поляков. Сибирские областники были лишены негативного отношения к русскому народу, сознавая себя его частью. Они неоднократно указывали и на положительную роль польских ссыльных в деле поднятия культурного уровня региона.

Либеральные принципы областнической программы сказались в отстаивании свободы совести. Драгоманов, в частности, считал, что стремление к религиозной унификации ослабляет государство. «Отнюдь нельзя отрицать, – писал он, – что действительно религиозное единство облегчает единство государственное, усиливая связь между членами государства. Но из этого, во-первых, не следует, чтобы государство имело право силою устанавливать единство религиозное, когда оно нарушено или не существовало, потому что государство тогда нарушит священнейшие права личности и породит такие явления и стремления внутри себя, которые уничтожат самую цель государственной жизни: блага материальное и нравственное по возможности каждого его члена. Во-вторых, погнавшись, с целью установления единства государственного, за установлением единства религиозного, политическая власть именно ослабит единство государст-

венное, стараясь войти в союз с родственными им элементами в других государствах и т. п. <...> политика, заботящаяся о насильственном религиозном объединении для единства государства, ведет к противоположному результату» [3, с. 51–52].

Сибирские областники не придавали религиозному вопросу того исключительного значения, которое он впоследствии приобрел в украинофильстве, хотя Сибирь отличается большим разнообразием религиозных конфессий (христианство со значительной долей староверов, буддизм, ислам, шаманские культы). Не поднимали они и вопрос о языке, столь важный для украинофилов. Причина этого состоит в том, что сибирское областничество ратовало за развитие сибирской литературы, которая бы отображала нужды сибирского общества. Успешное же развитие сибирской литературы возможно только с опорой на высшие достижения русской литературы и ее распространение в новых социальных, природных и прочих условиях, что неизбежно будет давать литературе новые сюжеты, типы, проблемы и проч. Сибирская литература не создается на новой почве, она является преемницей и частью русской литературы. Украинофилы же, напротив, боролись не за литературу, а за литературный украинский язык, хотя бы это и приводило к разрыву с русской литературой, понижению качества произведений и провинциализации литературы в целом.

Основной источник различий между Россией и Сибирью Потанин видел в природно-климатических условиях. Не случайно он говорил о главном сепаратисте – климате. «Известная теория, – писал лидер сибирских областников, – что потребности тела и духа формулируются под влиянием физических условий населяемой страны, должна быть применена и к Сибири. <...> Главный фактор, который обуславливает физиономию страны, климат. Он обуславливает флору страны и ее пейзаж, фауну и, наконец, культуру человека. <...> Контраст между климатом Сибири и Европейской России если не более, то, по крайней мере, не менее, чем между климатом Европейской России и западной Европы» [12, с. 53]. Согласно Потанину, сибирский климат более сухой, в Сибири больше солнечных дней, небо прозрачнее, поэтому «пейзаж в Сибири яснее». Отсюда он приходил к вполне конкретному выводу: «Особенности сибирского климата неизбежно должны отразиться на искусстве, если оно возникнет на сибирской почве. В живописи, надо предполагать, Сибирь даст хороших колористов. В том же направлении скажется влияние природы и на сибирской музыке, как в композиции, так и в технике» [12, с. 56].

От климатологического искусствоведения Потанин заключал и к политическим перспективам: «Это преломление русского народного духа под

лучами сибирского солнца не обеднит, а только обогатит русскую жизнь. Ничего нет удивительного в том, что с распространением просвещения в Сибири и с пробуждением чувства гражданского долга, у русских уроженцев Сибири появились сепаратистические идеи, т. е. что они стали выделять свои обязанности перед сибирским населением от обязанностей перед русским государством» [3, с. 59]. Драгоманов, наоборот, скептически относился к географическому детерминизму, ведь в природно-климатическом отношении Россия и Украина практически идентичны.

Согласно Драгоманову, «естественных границ собственно нет нигде на земном шаре, ибо реки, например, не делят народов и стран, горные хребты не делят речных бассейнов <...> теперь даже моря не разделяют народов» [3, с. 10]. На восточно-европейской равнине, естественно, должен был сложиться единый народ, объединенный в одно государство. Если для сибирских областников климат – главный сепаратист, то для украинофилов – главный ниспровергатель национально-политического конструктивизма украинства.

Символом областничества, наравне с самостоятельными политическими институтами, являлся университет. «Университет и областная дума должны создать новую Сибирь», – провозглашал Потанин [12, с. 79]. Университет – главный источник формирования культурных сил региона и местной интеллигенции. «Идея о сибирском университете, – уточнял Потанин, – стоит в связи с вопросом об абсентизме сибирской молодежи, об отливе свежих умственных сил из области» [11, с. 98].

Признавая положительную роль университета, Драгоманов видел в нем не столько центр интеллектуального и культурного развития, сколько средство формирования новой национальной идентичности. По его словам, «такая мера, как учреждение университета, гораздо больше влияет на развитие народного духа, чем всякие репрессалии» [3, с. 69].

Если для сибирских областников университет – культуросоздающая сила, то для украинофилов – средство национально-государственного строительства. Для Потанина университет – центр культурного развития региона и всех слоев населения, формирования местной интеллигенции. Он специально оговаривал, что необходимо создать условия для получения высшего образования детям крестьян, поскольку только из них может вырасти настоящая сибирская интеллигенция. «В мужицкой области университет должен быть мужицким», – заключал он [12, с. 80].

Потанин не случайно писал о Сибири как мужицкой стране. Именно в крестьянской среде зарождался «стихийный сепаратизм», т. е. чувство обособленности и стремление к самоуправлению. «Чувство, вызвавшее

эту идею, нужно искать в умах сибирского крестьянства. Оно первое стало выделять себя из остального крестьянского мира, а уже за ним следом и сибирская интеллигенция, выходящая из сибирского народа, начала выделять себя из общерусской интеллигенции. Обособление сибирского крестьянства покоится исключительно на территориальной основе» [11, с. 89]. В другой статье он отмечал: «Давно уже установлены главные особенности Сибири: отсутствие дворянства, крепостного права и его традиций, которые еще живут в метрополии. Сибирь – рай мужиков» [12, с. 80]. И хотя выразителем областнического мировоззрения является местная интеллигенция, она фиксирует интересы и чаяния количественно преобладающей части народа. «Каждая область, – писал Потанин, – должна иметь интеллигенцию, которая обязана служить местному населению» [11, с. 90].

Для Сибири таким «местным населением» будет крестьянство. Принципом служения должна руководствоваться и приезжая интеллигенция. Отсюда одним из основных начал областнической идеологии становится *народолюбие*. Драгоманов даже видел истоки областнического народолюбия в славянофильстве, из которого выросло и украинофильство: «*украинофильство*, или <...> *хлопомания* (мужикомания), прямое продолжение *киевского демократически-федерального панславизма*, который пробовал в 40-х годах сформулировать кружок Костомарова и Шевченко» [4, с. 460–461].

Правда, предвзятое толкование славянофильства приводило Драгоманова к тому, что он приписывал московским славянофилам идею национальной исключительности русского народа и «сепаратизм» [3, с. 115–116]. «Московские славянофилы, – рассуждал он, – не могут не чувствовать, что у них у самих нет почвы под ногами для защиты общерусских тенденций, так как они собственно отстаивают такое же начало, как и самые крайние украинофилы. И действительно, московское славянофильство, при всей своей вражде с крайним украинофильством, само является ничем иным, как такою же “хлопоманией”, таким же “сепаратизмом”» [3, с. 129].

Во многом объединяют украинофилов и сибирских областников близкие социальные и политические идеалы, т. е. самоуправление, автономизм и децентрализация. Различия же касаются в первую очередь целей децентрализации. Для украинофилов децентрализация должна была служить идее «народа и народности», а именно «усвоить идею народности и устройства страны на началах равноправия и на прочном фундаменте экономической и общинной независимости масс» [3, с. 171]. Если же обособление и развитие народности может быть достигнуто другим способом, то автономией можно и пренебречь. Для сибирских областни-

ков децентрализация, расширяя социально-политические и финансово-экономические возможности региона, должна служить средством развития культуры. Недаром Потанин называл свое учение «культурным сепаратизмом». «Буквально, а не иносказательно, – признавался он, – “в воздухе висит” сепаратизм. Это вполне бесспорная истина, если разговор идет не о политическом, а о культурном сепаратизме. Всякая область, как бы скромны ни были ее размеры, в пределах культуры, искусства и умственной жизни имеет право на самостоятельное, независимое от остальных частей государства, развитие своих сил» [12, с. 58]. И хотя Потанин упоминает «областную центробежную силу Сибири», культурный сепаратизм означает не обособление и отделение, а максимальную самостоятельность культурной жизни. Иными словами, он означает, прежде всего, децентрализацию. Во всех остальных отношениях сибирские областники, напротив, настаивали на уравнивании прав Сибири с европейскими провинциями России: «Многообразные нужды Сибири обобщаются одной идеей – уравнивание колонии с метрополией во всех областях жизни» [12, с. 66].

Последовательное проведение принципа децентрализации, по мысли Потанина, должно привести к делегированию провинциям и части политических, экономических и финансовых полномочий, например, создание Сибирской областной Думы, которая могла бы распоряжаться финансами края. Однако и здесь финансовая самостоятельность не является самоцелью, а лишь средством культурного развития региона. «Децентрализация государственных финансов, – полагал Потанин, – повлекла бы децентрализацию всей общественной жизни. <...> Чем обширнее территория, тяготеющая к одному центру, тем остальное пространство обездоленнее и пустыннее в культурном и духовном отношениях. Единственное спасение окраин от опустошающего действия централизации заключается в учреждении областных дум с передачей им распоряжения местными финансами. <...> Культурное движение в областях получит независимость от государственного центра и будет развиваться в большем согласии с местными условиями» [11, с. 112].

Потанин рисовал идеальную утопическую картину культурного подъема провинции вследствие децентрализации финансов: «При расчленении государственных финансов в каждой области появится центр богатый капиталами; к тому пункту, где находится областная дума, распоряжающаяся областными финансами, будут стремиться предприниматели в области промышленности, а где будут скопляться эти богатые люди, туда потянутся артисты, музыканты, литераторы и художники, образуется настоящий духовный центр, в котором творческая деятельность

развивается разносторонне и во всех направлениях равномерно. Есть и теперь в провинции умственные центры – «университетские города», но это не вполне творческие центры. Правда, там, где появляется университет, появляются и всходы искусства, но эти всходы чахлые и односторонние. Только там, где развивается богатая экономическая жизнь, где потребителем произведений искусства является не ничтожная профессорская семья, а обширный народный класс, может возникнуть здоровое народное творчество.

Федеративное устройство России создаст богатую экономическую жизнь провинции. Многочисленные умственные центры покроют лицо России, и в провинциальных городах жизнь сделается столь же приятной, занимательной и умственно богатой, как и в столицах; при теперешнем же централистическом строе русскому человеку живется весело только в Петрограде и в Москве, в провинции же он скучает, живет и проклинает провинциальные будни. Так благотельно отразится федеративный строй на иссушенной централизмом провинции» [14, с. 158]. Цивилизационный оптимизм Потанина лишь подчеркивает характерный для него как личности идеализм.

Итогом децентрализации должно стать формирование «умственных центров» в провинции. Их появление Потанин объяснял неявной отсылкой к учению Н.К. Михайловского о механической и органической солидарности. «Под умственным центром разумеется, – писал он, – накопление в одном месте людей разнообразных профессий; такое накопление для профессионалов очень полезно; они здесь обмениваются своими знаниями, содействуют друг другу в занятиях; возникает местный труд, местная культура» [13, с. 122]. Централизованное государство препятствует образованию таких альтернативных центров. В качестве примера Потанин приводил «томский погром», учиненный П.А. Столыпиным после революции 1905 г. Такая политика, по его словам, приводит к «полному разрушению общественной жизни», она «преступна и не национальна» [13, с. 127]. Задача состоит в том, чтобы создать условия для самостоятельного культурного развития провинции не требующего ни попечения, ни дополнительных ресурсов со стороны государства; но для этого центр должен поступиться частью своих прав в пользу краев и областей.

Программа областников так и не была в полной мере реализована (что, однако, не означает ее нереализуемость), поэтому можно говорить о ее итогах лишь отчасти. Результаты двух версий областничества (украинского и сибирского) имеют различия. Расхождение между ними было заложено не в принципах, а в акцентах: программа культурного развития

у сибирских областников и национального конструирования у украинофилов. Подчинение культурной деятельности целям национально-государственного строительства приводило к маргинализации самой культуры, делению ее на «актуальную» и «вытесненную».

Эгоцентрические установки национализма и вовсе оказались антикультурны, поскольку могли заявлять о своем превосходстве только посредством насилия. Все это приводило к еще большей периферийности культурной жизни и вымыванию ее гуманистического содержания. Интеграционный же вектор развития сибирского областничества привел к формированию таких культурных явлений, как сибирское искусство, сибирская литература, в которых вписываются и разнообразные национально-культурные традиции.

Культурная топография областничества сводится к децентрализации. Однако ее, так сказать, прикладная герменевтика открывала разные возможности. Для сибирских областников децентрализация означала выстраивание плюральной структуры, т. е. формирования многих «интеллектуальных центров», что значительно сужало «зоны культурного отчуждения».

Украинофильская децентрализация предполагала лишь сдвиг центра, переакцентировку культурного пространства посредством вытеснения «старого» центра (или центров) и всех иных «потенциальных» центров в «зону культурного отчуждения». Этого требовала главная цель украинофильства – конструирование новой национальной идентичности, которая выстраивается именно благодаря полаганию новых границ, областей забвения и маргинализации культурно-исторических явлений. «Вместе с тем, – уточняет С.А. Троицкий, – именно маргиналии, вытесненное и вытесняемое из культурной практики, забытое и забываемое культурой, и определяет ее идентификационные пределы» [16, с. 68].

Указание на своечужное явление культуры как на границу собственной культурной деятельности, полагание предела посредством деактуализации и подавления других культурных явлений, делает культуру более определенной, хотя в целом и обедняет ее. Взрачиваемая же областниками сибирская культура, проигрывая украинской культуре, так сказать, в узнаваемости выигрывала в многообразии и плодотворности, богатстве идей и форм. Сибирское областничество и украинофильство в некотором смысле воплощают два типа культурной деятельности: культуротворчество и культуроборчество. Децентрализация сибирских областников в итоге создавала возможности как для творческого синтеза различных национальных традиций, так и для плодотворной конкуренции. Украинофиль-

ская децентрализация культуры оборачивалась новой централизацией, т.е. подавлением «старых» центров и подчинение доступной периферии.

Однако следует иметь в виду, что две версии областничества не представляли альтернативные или разнонаправленные пути культурно-исторического процесса. В сибирском областничестве были (а может быть, и сохраняются до сих пор) те же потенции, которые реализовались в украинофильстве. Достаточно вспомнить, что Потанин мечтал о переносе центра российской государственности в Сибирь. Не была ему чужда и идея «сибирской нации». По свидетельству, приводимому в статье Л.И. Шерстовой, «обосновывая общие интересы всего сибирского населения – русских и “инородцев” – Потанин нередко употреблял термин “сибирская нация” в этатистском ее понимании» [17, с. 156]. Хочется надеяться, что культуроборческий сценарий в сибирском областничестве уже не реализуем.

ЛИТЕРАТУРА

1. В.К. Областное обозрение // Сибирские записки. 1917. № 3.
2. Головинов А.В. Отечественные истоки социальной философии областничества // Мысль. Журнал Петербургского философского общества. Вып. 12. СПб., 2012.
3. Драгоманов М.П. Восточная политика Германии и обрусение // Драгоманов М.П. Политические сочинения. Т. I. Центр и окраины. М., 1908.
4. Драгоманов М.П. Новые движения среди русских галичан // Драгоманов М.П. Политические сочинения. Т. I. Центр и окраины. М., 1908.
5. Зайнутдинов А.Э. Интеллектуальная галерея сибирского областничества второй половины XIX в. // Многоликая современность: Сборник к 60-летию доктора философских наук, профессора Владимира Вячеславовича Козловского / отв. ред. Р.Г. Браславский, А.В. Малинов. СПб., 2014.
6. Колосов Е. Два русских областника – М.П. Драгоманов и Гр. Н. Потанин (Опыт сравнительного изучения политических программ русских областников) // Сибирские записки. 1916. № 3.
7. Колосов Е. Сибирские областники о прошлой и краевой интеллигенции // Сибирские записки. 1916. № 3.
8. Письма Г.Н. Потанина. Т. 3. Иркутск: Издательство Иркутского университета, 1989.
9. Письма Г.Н. Потанина. Т. 5. Иркутск: Издательство Иркутского университета, 1992.
10. Потанин Г.Н. Будущее сибирской областнической тенденции // Сибирская жизнь. 1907. 6 июля. № 65.
11. Потанин Г.Н. Областническая тенденция в Сибири // Сборник к 80-летию со дня рождения Григория Николаевича Потанина. Избранные статьи и биографический очерк. Томск, 1915.
12. Потанин Г.Н. Нужды Сибири // Сборник к 80-летию со дня рождения Григория Николаевича Потанина. Избранные статьи и биографический очерк. Томск, 1915.
13. Потанин Г.Н. Из недавнего прошлого // Сибирские записки. 1916. № 1.
14. Потанин Г.Н. Прекрасный финал // Сибирские записки. 1917. № 3.
15. Троицкий С.А. Областничество в российской гуманитарной научной литературе // Журнал социологии и социальной антропологии. 2013. № 1.
16. Троицкий С.А. Проблема терминологической точности при изучении зон культурного отчуждения // Новое литературное обозрение. 2015. № 3 (133).

17. Шерстова Л.И. Областническая идеология: некоторые аспекты региональной идентичности // Областническая тенденция в русской философской и общественной мысли: К 150-летию сибирского областничества. СПб.: Изд. Дом С.-Петерб. гос. ун-та, 2010.

TRANSLIT

1. V.K. Oblastnoe obozrenie // Sibirskie zapiski. 1917. № 3.
2. Golovinov A.V. Otechestvennye istoki social'noj filosofii oblastnichestva // Mysl'. Zhurnal Peterburgskogo filosofskogo obshhestva. Vyp. 12. SPb., 2012.
3. Dragomanov M.P. Vostochnaja politika Germanii i obrusenie // Dragomanov M.P. Politicheskie sochinenija. T. I. Centr i okrainy. M., 1908.
4. Dragomanov M.P. Novye dvizhenija sredi russkih galichan // Dragomanov M.P. Politicheskie sochinenija. T. I. Centr i okrainy. M., 1908.
5. Zajnutdinov A. Je. Intellektual'naja galereja sibirskogo oblastnichestva vtoroj poloviny XIX v. // Mnogolikaja sovremennost': Sbornik k 60-letiju doktora filosofskih nauk, professora Vladimira Vjacheslavoviča Kozlovskogo / otv. red. R.G. Braslavskij, A.V. Malinov. SPb., 2014.
6. Kolosov E. Dva russkih oblastnika – M.P. Dragomanov i Gr. N. Potanin (Opyt sravnitel'nogo izučeniya politicheskikh programm russkih oblastnikov) // Sibirskie zapisi. 1916. № 3.
7. Kolosov E. Sibirskie oblastniki o prishloj i kraevoj intelligencii // Sibirskie zapisi. 1916. № 3.
8. Pis'ma G.N. Potanina. T. 3. Irkutsk: Izdatel'stvo Irkutskogo universiteta, 1989.
9. Pis'ma G.N. Potanina. T. 5. Irkutsk: Izdatel'stvo Irkutskogo universiteta, 1992.
10. Potanin G.N. Budushhee sibirskoj oblastnicheskoj tendencii // Sibirskaja zhizn'. 1907. 6 ijulja. № 65.
11. Potanin G.N. Oblastnicheskaja tendencija v Sibiri // Sbornik k 80-letiju so dnja rozhdenija Grigorija Nikolaeviča Potanina. Izbrannye stat'i i biograficheskij očerok. Tomsk, 1915.
12. Potanin G.N. Nuzhdy Sibiri // Sbornik k 80-letiju so dnja rozhdenija Grigorija Nikolaeviča Potanina. Izbrannye stat'i i biograficheskij očerok. Tomsk, 1915.
13. Potanin G.N. Iz nedavnego prošlogo // Sibirskie zapisi. 1916. № 1.
14. Potanin G.N. Prekrasnyj final // Sibirskie zapiski. 1917. № 3.
15. Troickij S.A. Oblastничество v rossijskoj gumanitarnoj nauchnoj literature // Zhurnal sociologii i social'noj antropologii. 2013. No. 1.
16. Troickij S.A. Problema terminologičeskoj točnosti pri izučenii zon kul'turnogo otchuzhdenija // Novoe literaturnoe obozrenie. 2015. № 3 (133).
17. Sherstova L.I. Oblastnicheskaja ideologija: nekotorye aspekty regional'noj identičnosti // Oblastnicheskaja tendencija v russkoj filosofskoj i obshhestvennoj mysli: K 150-letiju sibirskogo oblastnichestva. SPb.: Izd. Dom S.-Peterb. gos. un-ta, 2010.